

«ЧУДЕСНЫЕ ЗНАКИ» ГАЛЬШТАТТСКОГО ПЕРИОДА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: 1. МАЛЬТИЙСКИЙ КРЕСТ

Введение

Политеистический пантеон «мира Богов» – персонификации Солнца и живущей, умирающей и возрождающейся Природы, – существовавший в обществах классического галльштаттского периода, угадывается по всевозможным, преимущественно, косвенным свидетельствам, но особенно по фигурным изображениям, которые более всего представлены в культурах Восточного Галльштатта, особенно в культуре Календерберг (кратко см. Frey 1976, 578 ff.; Dobiat 1980, 218 f.; он же 1982, 279 ff.; Eibner-Persy 1980; Eibner 1996, 105 ff.; она же 1997, 129-145; Teržan 1990, 124 ff.; она же 1996, 507 ff.; Nebelsick 1992, 401 ff.; Studeníková 2004, 15 ff.; и др.). В начальный период раннего железного века в Средней Европе, особенно в областях приальпийской зоны, воплощение Божественности всё больше приобретает антропоморфные черты, преимущественно женский облик, а сама Богиня изображается в сопровождении растительных и астральных символов. Реконструируется разнообразная и внушительная картина религиозных верований с различными формами их выражения: среди персонифицированных образов отмечаются изображения Богини, которая для ранних этапов (На С1) чаще всего трактуется как «Покровительница животных» (кратко см. Kossack 1999, 138 ff.; Metzner-Nebelsick, Nebelsick 1999, 69 ff.; Teržan 2001, 75 ff.; она же 2005, 255 f.; и др.).

Развитие иконографии божественных фигур (Богини, божественной Посланицы/Вестницы и Покровительницы героев) показывает, что первоначально (На С1) присутствие Богини зашифровано в специальных сценах двоеборства и шествиях переодетых в зооморфные образы людей (попарные фигуры в оленьих, лошадиных, птичьих, кошачьих масках – рис. 6/1-6, 8). Далее (На С2) Божество изображается различно и имеет многообразие значений, как «Великая Богиня» и «Повелительница животных» и особенно «Богиня на колеснице» с копьём, мечом и в шлеме. На более поздних этапах галльштаттского периода (На D1-D2) образ более индивидуализирован

и имеет закреплённые атрибуты своего изображения – чаще всего в виде вооружённой Богини на колеснице. Интерес представляют данные комбинационного и стилистического анализа погребального инвентаря из захоронений классического галльштаттского периода, в которых также присутствовали сосуды с изображениями антропоморфных фигур (Nebelsick 1992, 406 ff. Tab. 1-5; он же 1996, 327 ff.; Teržan 2001, 75 ff.). Так, наиболее ранние захоронения могильников Басарабь и Фишау-Файхтенбоден являлись женскими. Это дало основание предположить, что погребённые женщины при жизни могли играть особую роль в ритуалах и культе – как вестницы/посланницы и жрицы. Практически все более поздние погребения (На D1-D2), в которых среди прочего находились сосуды с антропоморфными фигурами, были мужскими – и в этом случае божественные изображения могут трактоваться как «Богиня-покровительница», Посланница/Вестница (судьбы) и Покровительница побед, Богиня судьбы или Покровительница героев (Teržan 1997, 653 ff.; она же 2001, 84).

Антропоморфные изображения на керамике и бронзовых изделиях (особ. ситулы) классического галльштаттского времени замечены в различных сценах, которые фактически иллюстрируют тот огромный мир разнообразных ритуалов и жертвований/жертвоприношений: процессии с переносчиками сосудов, «светлая охота», двоеборство и состязания, шествующие воины и женщина на колеснице, прядение и разматывание нитей, совместные трапезы, распивание и поение напитком, а также «праздник» с музыкантами, танцующими и шествия переодетых в маски животных людей и пр. (Frey 1976, 578 ff.; Dobiati 1980, 218 f.; он же 1982, 279 ff.; Nebelsick 1992, 406 ff. Tab. 1-2; он же 1996, 327 ff.; Eibner 1993, 101-116; она же 1996, 105 ff.; она же 1997, 129-145; Teržan 1997, 653 ff.; она же 2001, 75 ff.; она же 2005, 251 ff.; Koch 2003, 347 ff.; и др.).

Помимо столь явно выраженных антропоморфных и зооморфных образов многие изделия (и, конечно, керамика) покрыты геометрическим узором, среди которого выделяются геометризованные изображения, в том числе отдельные геометрические фигуры. Особенно распространены были изображения треугольника, значение которого, в том числе как воплощения антропоморфного образа, могло сильно варьировать, на что многие исследователи указывали неоднократно. Треугольник и сам был символом, воплощением и выражением некой невидимой реальности. Так, анализ принципов изображения одиночного треугольника как геометризованного антропоморфного образа показывает, что в преобладающих случаях за ним стоит женская фигура: треугольник с флажками сопоставим с антропоморфной фигурой с поднятыми вверх руками (поза адоранты), а заштрихованный треугольник в комбинации с крестом сверху сопоставим с изображением солнечной Богини (Dobiati 1982, 279 ff. Abb. 1; 3; 13-14; Nebelsick 1997a, 120 ff. Abb. 46; Eibner 1997, Abb. 47; она же 2002, 125 ff.; Brosseder 2004, 248 ff., Abb. 163-168; 174-175; Teržan 2005, 253 ff.). Парные, соединённые вершинами горизонтальные треугольники лежат в основе

изображения туловищ зооморфных и орнитоморфных фигур, но также сопоставимы с зооморфными образами из сцен шествий, за которыми скрываются переодетые в животных пары людей (см. Eibner 1996, 107 ff. Taf. 6). Имеются также многие другие геометрические фигуры и их комбинации, за которыми могут скрываться таинства и смыслы, о которых мы лишь начинаем догадываться.

Поиск истоков многих фигурных, в том числе антропоморфных, изображений, столь ярко проявивших себя в классическое галльштаттское время, приводит исследователей к предшествующим культурам эпохи бронзы Средней и Юго-Восточной Европы, Эгейского мира (см. – Kossack 1999, 108 ff.; Hänsel 2000, 331 ff.; он же 2003, 28 ff.; Teržan 1997, 653 ff.; она же 2005, 241 ff.; Brosseder 2004, 248 ff. 337 ff.; Studeníková 2004, 15 ff.; и др.). Пристальное внимание также обращено на культурный комплекс Басарабь, один из главных культурных образований классического галльштаттского периода в Юго-Восточной Европе, в ареале которого широко известны зооморфные, орнитоморфные и антропоморфные изображения. Среди более простых и, соответственно, менее теперь для нас понятных геометризированных изображений, геометрических фигур и их комбинаций наиболее распространены треугольники и различные кресты. Все это, в конечном итоге, породило тот специфический Басарабь-стиль, который особенно проявлялся в культурах и орнаментации, что отличало культурный комплекс Басарабь на обширной территории его распространения и влияний (Vulpe 1986, 49 ff.; Gumă 1983, 65 ș.u.; он же 1993, 208-235; Dular 1973, 544 ff.; Teržan 1990, 71 ff.; Tasić 1991, 239 ff.; Metzner-Nebelsick 1992, 349 ff.; Eibner 1996, 105 ff. Taf. 6/3-22; она же 2001, 182 ff., Karte 1-2; Roeder 1997, 601 ff.; Зверев 2003, 224 сл.; и др.).

Из всех геометрических фигур культурного комплекса Басарабь обращает на себя внимание т.н. «мальтийский крест» или «крест с треугольниками-лопастями» («Kreuz mit Dreieckarmen»), представленный одиночно и/или в вертикальной цепочке. Известно не слишком большое число находок, однако мотив широко распространён – от юго-восточноальпийской зоны до Левобережья бассейна Днепра (рис. 1). Это, как подчеркивали многие исследователи, маркирует не только ареал Басарабь и области басарабских влияний, но также является показателем присутствия собственно галльштаттских влияний как таковых (Metzner-Nebelsick 1992, 361 ff., Karte 3; Eibner 1996, 105 ff.; 2001, Karte 1-2; Brosseder 2004, 293-297, Abb. 188). Для Юго-Восточной Европы этот мотив появляется со второго этапа развития культурного комплекса Басарабь, что означает от середины VIII века, редко встречаясь и в последующем VII в. до н.э. (Metzner-Nebelsick 1992, 361 ff.; Зверев 2003, 247 сл.). При этом отдельного рассмотрения, безусловно, заслуживает территория Италии, где изделия с изображением мальтийских крестов (керамика, бронзовые фибулы и бритвы) происходят из комплексов ещё IX в. до н.э. – вопрос, требующий отдельного исследования (см. Brosseder 2004, 293-294, прим. 485).

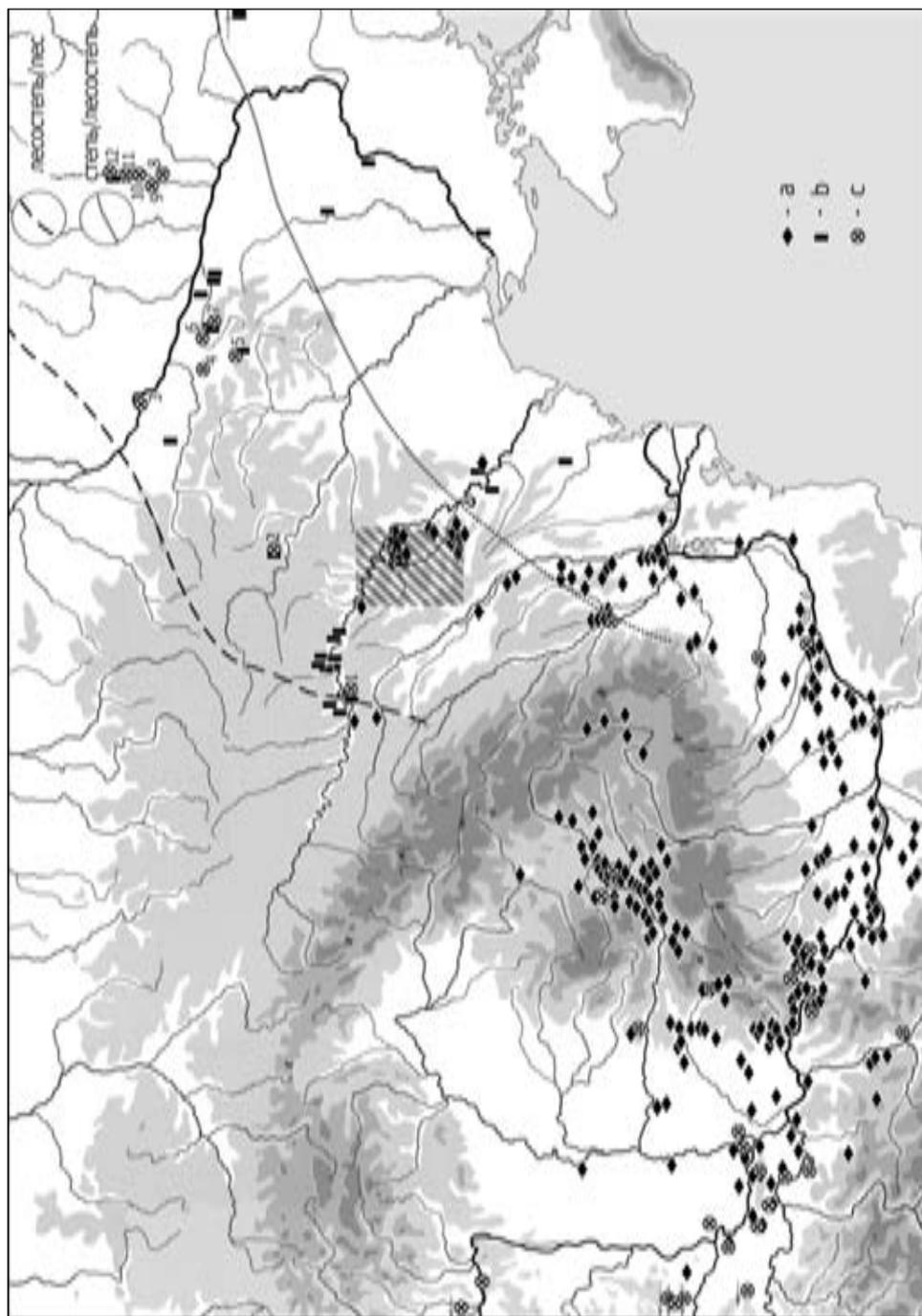


Рис. 1. Ареал культурного комплекса Басарабь (а), восточные (северопричерноморские) импорты Басарабь и Басарабь-Шолдэнешть (b), изображения мальтийского креста (с) в Юго-Восточной Европе и Северном Причерноморье. Упомянутые в статье памятники из Северного Причерноморья: 1 - Нагоряне-Пидмет; 2 - Немиров; 3 - Трахтемиров; 4 - Калиновка; 5 - к. 455 Макеевка; 6 - к. 219 Тенетинка; 7 - Жаботин; 8 - Пожарная Балка; 9 - Мачухи; 10 - Диканька; 11 - Лихачёвка; 12 - Бельск (по Vulpe 1986, Metzner-Nebelsick 1992, Eibner 2001, Brosseder 2004, Kaşuba 2008).

Какое значение весь этот вышеописанный «мир Богов» классического гальштаттского периода, а также мальтийские кресты культурного комплекса Басарабь из Юго-Восточной Европы могут иметь для синхронных культур (соответственно, предскифского и раннего скифского времени) из Северного Причерноморья? Здесь важно подчеркнуть, что распространение каких-либо специфических изображений может показывать как направленность культурных влияний, так и позволяет оконтуривать регионы более интенсивных коммуникаций.

Крест и мальтийский крест

Бытовые предметы, в которых выражается культура жизнеобеспечения человека, использовались в древних и традиционных обществах не только как вещи, но и как знаки. Их физические «рациональные» свойства зачастую приобретали значение культурных признаков, а сами объекты становились заметными и выделяющимися из общего ряда – происходила их семантизация. Наделённые высоким уровнем культурной значимости объекты (в данном случае, бытовые вещи) становились «знаками», несущими некий смысл и информацию как для членов определённого сообщества, так и за его пределами (см. Байбурин 1981, 216 сл.). И тогда они выступали также в качестве культуроопределяющих. Усиление знаковых функций вещей, соответственно, увеличение передаваемой информации, могло происходить за счёт всевозможных различных и неразличимых дополнений, среди которых, безусловно, важное значение имеет орнамент (см. применительно к раннескифским черпакам – Горбов 2002, 243). Среди отдельных элементов орнамента особое место занимает изображение в виде «креста».

Крест – геометрическая фигура, состоящая из двух пересекающихся линий или прямоугольников, при этом хотя бы одна из линий должна делиться пополам (одной из разновидностей креста считается восьмиконечный или мальтийский крест). Он принадлежит к числу наиболее известных «знаков» и является универсальным символом, широко распространённым среди различных культур и большого промежутка времени. Крест подчёркивает идею центра (точку пересечения верха/низа и правого/левого) и основных направлений, где отсчёт идет вовне, «во все четыре стороны», но при этом крест также изображает объединение дуалистических систем в виде целостности. «Крестообразность» образа человека с распротёртыми руками приводит к кресту как модели человека. Крест также представляет

собой геометризованный вариант мирового древа, но с акцентированностью на антропоцентрическую идею. И тогда крест выступает как связующее звено между мировым древом (и связанными с ним зооморфными образами) и человеком, будучи геометризованным выражением и того, и другого. Универсальность креста как символа единства жизни и смерти, плодородия и бессмертия (солнечный проход по небесам, превращающий ночь в день), активного мужского начала, удачи и процветания выражается в той важной роли, которую он играл в ритуале и ритуализированном поведении, магии, народной медицине и гаданиях, архаическом искусстве (Топоров 1992а, 12-14).

Опираясь на эти базовые характеристики, исследователи подходят к толкованию изображений креста в конкретных культурно-исторических традициях. Так, специфические геометрические символы (ромб с крюками; заштрихованные треугольники, прямоугольники; крест, в том числе мальтийский) в орнаментации в разных культурно-исторических традициях и на фоне общеисторического материала позволил рассматривать их как символы земли, земной тверди, вспаханного поля, а также земли плодоносящей (Амброз 1965, 14 сл.). Эти символы в орнаментации керамики раннего железного века, в том числе интересующего нас пред- и раннескифского времени, рассматриваются как символы, связанные с преимущественно земледельскими культами и «священным деревом» (Андриенко 1975, 14 сл.; он же 1995, 12; Моруженко 1989, 250 сл.; Горбов 2002, 244 сл.). Такая трактовка полностью соответствует универсальности символики самого креста, что было уже отмечено. В любом случае, символика креста свидетельствует в пользу того, что он всегда значил в культуре больше, чем просто геометрическая фигура.

Мальтийский крест в позднейшее пред- и раннескифское время в Северном Причерноморье

Культурный комплекс Басарабь, как показывают последние исследования, представлен в Северном Причерноморье памятниками своей восточной периферии (культура Шолдэнешть в Среднем Поднестровье – Kaşuba 2008, 37 §.u.), прямыми импортами и подражаниями импортам. Басарабские влияния в регионе различались и имели локальные проявления – так, небольшие коллективы (малые группы, возможно, отдельные индивидуумы) продвинулись в бассейн Среднего Днепра, минуя при этом Среднеднестровский бассейн с его культурой Шолдэнешть (Кашуба 2008, 91; Дараган, Кашуба 2008, 55 сл.). Вследствие таких разных культурных потоков мальтийский крест (восьмиконечный крест или крест с треугольниками-лопастями) появился на керамике памятников бассейна Днепра (на Правобережье, но ещё более на Левобережье), фактически отсутствуя в Днестровском регионе (1 случай – рис. 1).

Местонахождения с изображением мальтийского креста на керамике:

Открытые и укрепленные поселения

Нагоряне-Пидмет, Днестровский бассейн (рис. 1/1)

Лит.: Шовкопляс 1954, 104, рис. 7

Мальтийский крест (тип 1¹, рис. 2/1) на дне пиксиды

Немиров, бассейн Южного Буга (рис. 1/2)

Лит.: Смирнова 1996, рис. 7/5

Мальтийский крест (тип 1, рис. 2/2) на стенке черпака

Жаботин (рис. 1/7)

Лит.: Daragan 2004, Abb. 27/1-2; 31/8, 11; 32/8-9; Дараган, Кашуба 2008, рис. 5/8; 9/3; 10/10

Мальтийский крест на стенках корчаг (тип 2 – 2 экз., рис. 2/3, 4), стенках (тип 2 – 2 экз., рис. 2/7; 3/6) и ручках (тип 1 – 2 экз., тип 2 – 3 экз., рис. 2/6, 8) черпаков

Калиновка-Засриблянка, Правобережье бассейна Днепра (рис. 1/4)

Лит.: Ковпаненко, Шевченко 1981, рис. 6/9²

Мальтийский крест (тип 2, рис. 3/2) на ручке черпака

Трахтемиров, Правобережье бассейна Днепра (рис. 1/3)

Лит.: Ковпаненко 1967, рис. 7

Мальтийский крест (тип 2, рис. 2/5) на ручке черпака

Бельск, Западное укрепление, Левобережье бассейна Днепра (рис. 1/12)

Лит.: Шрамко 1996, табл. IX/1-3.7; Шрамко I. 2006, рис. 8/15-16; 9/15; 10/19, 20, 25, 35

а – зольник 4, раск. В.А. Городцова 1906 г.: мальтийский крест (тип 2 – 4 экз., рис. 4/1, 2, 8, 10) на ручках черпаков;

б – зольник 5, раск. И.Б. Шрамко 1998-2004 гг.: мальтийский крест на стенках (тип 2 – 3 экз., рис. 4/9, 12) и ручках (тип 1 – 1 экз., тип 2 – 4 экз., рис. 4/3-6, 11) черпаков

Пожарная Балка, Левобережье бассейна Днепра (рис. 1/8)

Лит.: Андриенко 1992, рис. 7/8; в основном не опублик.³

Мальтийский крест на отогнутом венчике корчаги (тип 2 – 1 экз., рис. 5/11), на стенках (тип 2, рис. 5/6) и ручках (тип 2, рис. 5/3) черпаков

Диканька-Дмитренкова Балка, БАМ, Фёдоровка, Левобережье бассейна Днепра (рис. 1/10)

¹ Классификацию мальтийских крестов – см. дальше.

² Авторы статьи выражают благодарность Г.Т. Ковпаненко и Н.П. Шевченко за любезное разрешение опубликовать мальтийский крест.

³ Авторы статьи выражают благодарность В.П. Андриенко за любезное разрешение опубликовать отдельные, еще неизданные мальтийские кресты.



Рис. 2. Изображения мальтийского креста на керамике в Северном Причерноморье: 1 - Нагоряне-Пидмет; 2 - Немиров; 3, 4, 6-8 - Жаботин; 5 - Трахтемиров (по Шовкопляс 1954, Ковпаненко 1967, Daragan 2004, Смирнова 1996).

Лит.: Щербань, Рахно 2006, рис. 2/6; 4/2; 5/5-6; частично не опубл.⁴

Мальтийский крест на ручках (тип 2 – 8 экз., рис. 5/1, 2, 4, 5, 7-10) черпаков

Лихачёвка, Левобережье бассейна Днепра (рис. 1/11)

Лит.: Моруженко 1989, 242 сл., рис. 35/20; 36; не опубл.

Мальтийский крест на стенках (тип 1) и ручках (тип 2, рис. 5/13) черпаков, на плоской глиняной катушкообразной поделке (рис. 5/12)

Мачухи, Левобережье бассейна Днепра (рис. 1/9)

Лит.: Моруженко 1989; Андриенко 1995, не опубл.

Мальтийский крест на ручках черпаков

Шампаи, Левобережье бассейна Днепра

Лит.: Моруженко 1989; Андриенко 1995, не опубл.

Мальтийский крест на ручках черпаков

Погребения

к. 455 Макеевка, Правобережье бассейна Днепра (рис. 1/5)

Лит.: Ильинская 1975, табл. XIX/4; Галанина 1977, табл. 8/3

Мальтийский крест (тип 2, рис. 3/5) на ручке черпака

к. 219 Тенетинка, Правобережье бассейна Днепра (рис. 1/6)

Лит.: Ильинская 1975, табл. XXXI/7

Мальтийский крест (тип 2, рис. 3/3) на ручке черпака

Мальтийские кресты из Северного Причерноморья можно разделить на два типа: *тип 1* – крест из 4-х фигур: большие равнозначные треугольники-лопасти соединены вершинами в центре (рис. 2/1-2, 6, 8; 4/6); *тип 2* – крест из 5-ти фигур: к вершинам большого ромба присоединены 4 меньших треугольника-лопасти (реже, 4 угла), при этом треугольники могут быть небольшими (вариант 2.1) или большими, приближающимися по размерам к центральному ромбу (вариант 2.2) (рис. 2/3-5, 7; 3/1-3, 5, 6; 4-5). Фигуры, составляющие собственно мальтийские кресты (треугольники, ромб), как правило, заполнены косой штриховкой, в отдельных случаях (Жаботин, к. 455 Макеевка и пос. Пожарная Балка) косая штриховка центрального ромба имеет поперечные насечки (рис. 2/3, 4; 3/5). Редко встречаются изображения, составленные из пустых, незаштрихованных фигур (пос. Пожарная Балка – Андриенко 1995, 12). Мальтийские кресты на керамике, как правило, изображались одиночно, вертикальные ряды известны в нескольких случаях (рис. 3/1-2; 5/4).

⁴ Авторы статьи выражают благодарность А.Л. Щербаню за любезное разрешение опубликовать еще неизданные мальтийские кресты.



Рис. 3. Изображения мальтийского креста на керамике в Северном Причерноморье: 1 - Среднее Поднепровье (из коллекции Платонова); 2 - Калиновка; 3 - к. 219 Тенетинка; 4, 6 - Жаботин, тр. 2; 5 - к. 455 Макеевка (по Ковпаненко, Шевченко 1981, Ильинская 1975, Галанина 1977, Дараган 2006).

Анализ известных в Северном Причерноморье мальтийских крестов показывает, что наиболее представлены фигуры типа 2, которые существенно преобладают на Левобережье (рис. 1). Важно, что именно мальтийские кресты из 5-ти фигур (тип 2) могут быть сопоставлены с образцами из областей



Рис. 4. Изображения мальтийского креста на керамике в Северном Причерноморье: 1, 2, 8, 10 - Бельск, Западное укрепление (1906 г.), зольник 4; 7 - Бельск, Западное укрепление (1906 г.), зольник 1; 3-6, 9, 11, 12 - Бельск, Западное укрепление (1998-2004 гг.), зольник 5 (по Шрамко 1996, Шрамко I. 2006).

происхождения культурного комплекса Басарабь на Среднем Дунае. Тогда как крест из 4-х фигур (тип 1) обнаруживает более широкий контекст – его можно усмотреть в четырёхзональных розеточных орнаментальных композициях и даже штампе «крест в круге» (если рассматривать его как негатив) на керамике периода, предшествующего и/или частично синхронного

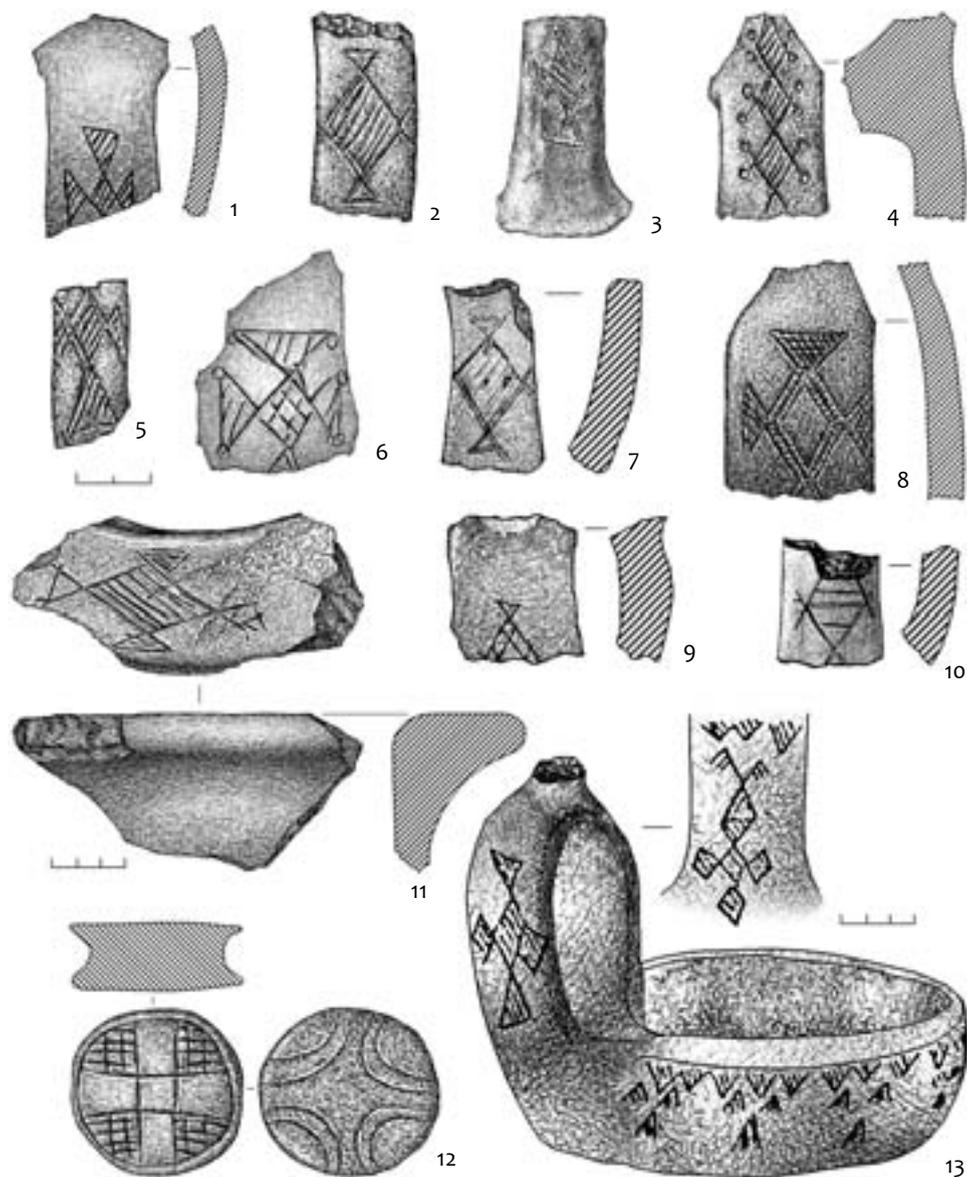


Рис. 5. Изображения мальтийского креста на керамике в Северном Причерноморье: 1 - Диканька-Фёдоровка; 2, 4, 5, 8, 9 - Диканька-Дмитренкова Балка; 3, 6, 11 - Пожарная Балка; 7, 10 - Диканька-БАМ; 12, 13 - Лихачёвка (по Андриенко 1992, Щербань, Рахно 2006, Моруженко 1989).

Басарабь: например, в Северного Причерноморье в культуре Козия-Сахарна (Кашуба 2000, рис. XXII/II; XXIII; Дараган, Кашуба 2008, 47 сл. рис. 2/1, 4, 8, 13, 15; Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008, fig. 59/8; 63/2; 69/16; 77/2; Niculiță, Niciu 2008, fig. 4/21, 31, 33; 5/18; 6/17; 13/3; 18/7), позднечернолесской культу-

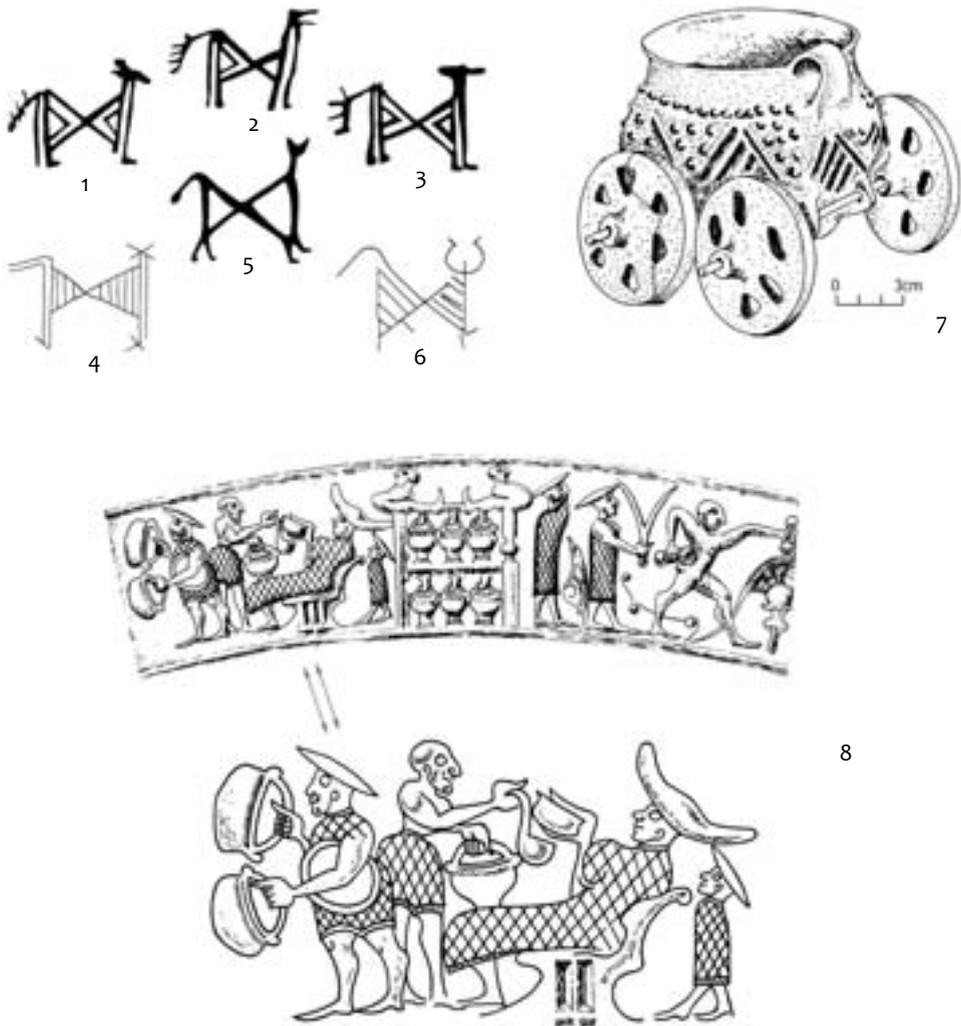


Рис. 6. «Праздники» классического гальштаттского периода в Юго-Восточной и Средней Европе – изображения и предметы (выборочно): 1-3 - Унтерцёгердорф; 4 - Басарабь, кург. III/S1; 5 - Нове Кошариска, кург. I; 6 - Фишау-Фейхтенбоден, кург. V; 7 - Фертёендр(ы)йд; 8 - Куфферн, ситула (по Frey 1980, Dobiat 1982, Eibner 1997, Teržan 2001, Góthöri 2002).

ре (Тереножкин 1961, рис. 41/14; Смирнова 1983, рис. 2/5; 4/П.13, П.2), на Жаботинском поселении (Daragan 2004, Abb. 8/1-3; 31/11; Дараган, Кашуба 2008, рис. 5/9; 6/4, 20), в захоронениях ранних кочевников (Махортых 2005, рис. 61/11; 98/6; 100/4-5; 125/10; 137/10; Бруяко 2005, рис. 2/7-8; 3) и раннескифских погребениях (Ильинская 1975, табл. I/3; XXVI/12) и др. В данном случае эти розеточные композиции как раз реализуют лежащий в основе креста принцип – подчёркивание идеи центра.

Примечательно место расположения мальтийских крестов на сосудах. Они наносились на стенки (рис. 2/2-4,7; 3/1; 4/9, 12; 5/6), но чаще всего на ручки черпаков, особенно на их верхнюю часть, обращённую к краю сосуда, – таким образом человек, который собирался из сосуда что-то пить, мог этот крест видеть. Единственной находкой (пос. Пожарная Балка – Андриенко 1995, 11) представлен мальтийский крест (тип 2) на отогнутом венчике корчаги (рис. 5/11).

Мотив мальтийского креста является одним из свидетельств присутствия басарабских влияний в Северном Причерноморье, о чём уже неоднократно писали и в русскоязычных археологических работах (см. Андриенко 1995, 11-12; Daragan 2004, 118 f.; Бруяко 2005, 28; Шрамко I. 2006, 40 сл.; Дараган, Кашуба 2008, 55). Рассмотрение хронологических позиций артефактов с этим элементом и общей датировки комплекса и/или памятника, откуда они происходят, привело исследователей к заключению о том, что наиболее ранними изображениями в регионе могут считаться мальтийские кресты (тип 2) из к. 455 Макеевка и пос. Пожарная Балка, соответственно, от последней четверти – конца VIII в. до н.э. (Андриенко 1995, 11-12; он же 2000, 100 сл.; Бруяко 2005, табл. I-II). Существенные дополнения в уточнение датировок керамики с мальтийским крестом вносят недавно опубликованные ранние материалы из зольника № 5 Западного укрепления Бельского городища. Все найденные там экземпляры с таким символом (рис. 4/3-6, 9, 11, 12) были отнесены к горизонту A2, датированного от начала VII в. до н.э., который был синхронизирован с ранним горизонтом пос. Пожарная Балка (Шрамко I. 2006, 40 сл.). Здесь важно отметить другое: автор раскопок убедительно показала, что выделенный ей горизонт A2 синхронизируется с горизонтами 2-3 Жаботинского поселения и далее – со вторым этапом развития культурного комплекса Басарабь (Шрамко I. 2006, 37 сл.), что даёт основания для дальнейших хронологических уточнений в сторону понижения датировок не только для горизонта A2, но также предшествующего горизонта A1 (здесь, безусловно, необходимо более углублённо рассмотреть контексты обнаружения и датировки как изделий-хроноиндикаторов, так и других артефактов, которые могут дать более детализированные аналогии). Предложенная попытка детализировать хронологию слоёв разрушений этого зольника Бельска, соответственно, горизонты A1 и A2, указывает на синхронизацию слоя A2 с горизонтом Жаботин-II (Дараган, Подобед 2009).

Хорошие основания для уточнения времени появления мальтийских крестов в Северном Причерноморье даёт Жаботинское поселение из Правобережья бассейна Днепра, откуда происходят несколько таких символов на стенках корчаг и ручках черпаков (рис. 2/3, 4, 6-8; 3/6). Новая периодизация и хронология Жаботинского поселения, максимально согласованная с региональными периодизациями и новейшими европейскими, восточно-европейскими и передневносточными хронологическими схемами, показывает развитие памятника в трёх основных временных отрезках, начиная от

конца IX - начала VIII в. до н.э. (Darağan 2004, 118 ff.; Дараган 2006). Фрагменты корчаг и черпаков с мальтийскими крестами найдены в комплексах горизонта Жаботин-II, и/или керамика с такими изображениями типологически (как происходящая из культурного слоя) связана с этим горизонтом, начало которого было помещено в период от середины VIII до н.э. (Darağan 2004, 120 ff.; Дараган, Кашуба 2008, рис. 1). Дальнейшие исследования контекстов сгоревших комплексов горизонта Жаботин-II показали, что слой разрушения этого периода может датироваться не позднее конца третьей четверти VIII в. до н.э. (Дараган, Подобед 2009). Будут ли эти выводы действительны для всего горизонта Жаботин-II на поселении, или он может разделяться на несколько более коротких временных промежутков – покажут дальнейшие исследования. Для рассматриваемой здесь темы принципиальным является тот факт, что в Северном Причерноморье появление мальтийского креста на керамике засвидетельствовано, по меньшей мере, начиная с середины VIII в. до н.э. – что, фактически, сопоставимо с периодом наибольшего распространения такого символа в ареале культурного комплекса Басарабь Юго-Восточной Европы.

Мальтийский крест как «чудесный знак» – обсуждение

Обзор находок и проведенный анализ изображений мальтийского креста в Северном Причерноморье позволяют сделать некоторые заключения и наметить исследовательские перспективы:

1) было подтверждено, что территория Северного Причерноморья входила в сферу интересов населения, материальный комплекс которого был выражен археологической культурой Басарабь. Басарабские элементы присутствуют в регионе, согласно здесь проанализированной категории находок, начиная с середины VIII в. до н.э. Это даёт дополнительное основание использовать для сравнений с артефактами из Северного Причерноморья другие басарабские материалы;

2) обращает внимание расположение мальтийских крестов на керамике – они преимущественно наносились на ручки черпаков, особенно это касается памятников Левобережья бассейна Днестра. Здесь стоит напомнить, что проблема появления в регионе самого типа этих черпаков – плоские, с высокой петельчатой ручкой, узким отростком на перегибе ручки и идущим от центра дна радиальным геометрическим узором – продолжает оставаться в области дискуссий. Несомненно, этот вопрос требует специального рассмотрения, однако вполне убедительным представляется мнение о галльштаттских истоках этой формы – в среде культуры с каннелированной керамикой Гава-Голиграды (или Гава-Голиграды-Грэничешть) Восточно-карпатского региона (Levičhi 2006, 42 ș.u.; Дараган 2006). Однако в форме черпаков из Днепроовского бассейна более акцентирована их функция как сосудов для зачерпывания какой-то жидкости из ёмкости, что делает их в сочетании с преимущественно радиальным узором действительно типичными именно для этого региона, где они встречены в сравнительно большом количестве;

3) с чем же могло быть связано столь «массовое» производство такой специфичной формы посуды? Предпринятый анализ знаковой функции черпаков (с учётом их радиальной орнаментации как разновидности солярного знака) приводит к заключению об их сакральном характере. Они как сосуды для зачерпывания какой-то жидкости из ёмкости (мир вещей, утилитарность) использовались в ритуальных действиях (мир идей, знаковость) – при отправлении обрядов, судя по всему, земледельского характера, в которых особую роль могли выполнять опьяняющие напитки (Горбов 2002, 243 сл.; Топоров 1982b, 256 сл.). Контексты обнаружения некоторых черпаков с мальтийскими крестами действительно показывают их связь с ритуальными действиями, например, такой сосуд находился на каменной площадке на пос. Жаботин (рис. 3/4, 6). Замечательны материалы пос. Лихачёвка, где была раскопана площадка (овальная, 3,8×1,9 м; утрамбованный песок, много угольков) для церемониальных действий, на которой находились 2 черпака (один из них с мальтийскими крестами – рис. 5/13) и остатки жертвоприношений животных. При этом остатки ещё 9-ти жертвоприношений располагались вокруг площадки полукругом в радиусе до 9 м (Моруженко 1989, 252). Контекст находок черпаков с мальтийскими крестами на пос. Пожарная Балка ещё предстоит уточнить, но имеются сведения о наличии жертвенных площадок со скелетами собак и свиней (Моруженко 1989, 257);

4) на основе культовых артефактов различного характера (в том числе символических изображений солнца, земной тверди, пашни и священного дерева) был сделан вывод о развитом земледельческом культе у лесостепных племен скифского времени (Андриенко 1975, 17 сл.; Моруженко 1989, 253 сл.). Существование связанных с земледельческим культом обрядов и праздников, как подчеркивали исследователи (см. Моруженко 1989, 253 сл.), можно предполагать на основе этнографических и исторических параллелей. Здесь стоит напомнить исследование М.И. Артамонова, который на основе генеалогической легенды Геродота о священных золотых дарах [Hrd. IV, 5, 7], показал существование ежегодного весеннего праздника, сопровождавшегося богатыми жертвами. Кульминацией праздника был сон со священным золотом – магический сон, оплодотворяющий «мать сырую землю» (Артамонов 1948, 7). Д.С. Раевский, в свою очередь, показал связь этого праздника с началом нового временного цикла, нового солнечного года, который начинался в день весеннего равноденствия (Раевский 1977, 112 сл.);

5) ассоциации и аналогии можно искать среди культур классического галльштаттского периода. Ведь материальный комплекс типа Басарабь (и среди прочего, изображения мальтийский креста) не только «соединил» приальпийскую зону и Северное Причерноморье (в том числе бассейн Днепра), но также басарабские геометрические узоры лежат в основе многих фигурных изображений, известных в культурах Восточного Галльштатта (кратко см. Eibner 2002, 125 ff.). В русле рассматриваемой темы вернёмся к рассмотренным выше изображениям сцен шествий и т.н. культовых и/или общинных «праздников» («Kultfeste» – «Stammesfeste»). В числе их действу-

ющих лиц выступают переносчики сосудов. Сосуды могли быть большими и переноситься при помощи шестов или сравнительно небольшими и быть на головах женщин. Большие сосуды (в том числе различные котлы) не только переносились, но также они могли находиться на специальных атрибутированных или более «простых» повозках (рис. 6/7). Непременным атрибутом сцен общинных «праздников» являлось распивание и поение напитком (рис. 6/8). Все эти сцены явственно показывают большую значимость действий, связанных с совместной трапезой, в том числе распиванием неких напитков (сюда добавляется и особое значение котлов, и больших сосудов для жидкостей) (Eibner 1997, Abb. 49/3; 50/1-2). Полные наборы посуды для питья, которые сопровождали погребения элиты, стали выражать богатство и особый статус таких захоронений в начале классического галльштаттского периода, например, среди культурных общностей Карпатского бассейна. Проявляющийся таким способом особый, новый ритуал может объясняться через дионисийские мистерии Средиземноморья, где культ Диониса известен ещё с микенского времени, а дионисийская иконография начинает присутствовать в погребальном культе в Греции с геометрического периода (Nebelsick 1994, 307 ff.; он же 1997b, 384 f.). В любом случае, использовавшиеся в ритуалах опьяняющие напитки несли множественные семантические смыслы, но конечным итогом было достижение тождественности реального и ирреального, «логоса» и «мифа» (Топоров 1992b, 256 сл.). Можно полагать, что и в рассматриваемом регионе Северного Причерноморья обязательным атрибутом общинного «праздника» (ежегодного весеннего праздника?) могло быть совместное распивание неких (опьяняющих?) напитков. Для этих целей и производились здесь на месте столь особенные черпаки. Эти сосуды могли действительно предназначаться для специальных случаев, и поэтому черпательная функция была подчёркнута в их форме и радиальном солярном узоре. По всей вероятности, они представляли собой материализованное выражение ритуализированных действий, сопровождающих такой «праздник», и/или являются специфическим проявлением идентичности (самовыражения) населения или группы населения, исполняющего эти ритуалы, – по этой причине прямые аналогии плоским черпакам не известны. И в этой связи массовость находок черпаков и варибельность их радиальных узоров свидетельствуют в пользу их индивидуального использования⁵. Адаптирование в орнаментацию посуды отдельных чужеродных мотивов (например, рассматриваемые в статье изображения мальтийского креста, особенно тип 2, из 5-ти фигур) показывает восприятие местным населением новых элементов или новой обрядности. Относительно наличия у населения реги-

⁵ Яркий пример показывает могильник Лэпуш в северной Трансильвании, основной период функционирования которого приходится на BгD – На A1. Похороненные в могильнике представители военизированной элиты, державшей контроль над территорией вследствие имеющихся месторождений и существовавшей здесь металлообработки, самовыражали себя в предметах вооружения и богато орнаментированной керамике с фигурными изображениями и протомами животных. Керамика Лэпуш, которая была произведена здесь специально для обслуживания идентичности этой элиты, не имеет прямых аналогий во времени и пространстве (Teržan 2005, 250-251).

она больших сосудов для питья, то они могли быть деревянными – местная резьба по дереву была засвидетельствована при анализе кремнёвого инвентаря из позднечернолесского поселения Тэтэрэука Ноуэ XV на Среднем Днестре (Ларина, Кашуба 2005, 212 сл.). Да и количество бронзовой посуды в Среднем Поднепровье было гораздо бóльшим (Магура 1930, 53 сл., табл. IV), если учесть случаи переработки поломанных изделий (см. Тереножкин 1961, 73, рис. 101/10; Рябкова 2008, 88 сл.).

Таким образом, «чудесные знаки» (и рассмотренный здесь мальтийский крест), представляя собой видимую натуральность невидимой реальности, дают возможность интерпретации этой уже утраченной реальности. Учитывая контексты таких находок, речь может идти не только об общности земледельческих культов в целом на широких пространствах Средней, Юго-Восточной Европы и Северного Причерноморья. Сам характер религиозных представлений, среди которых, судя по имеющимся данным, без сомнения присутствовал культ Солнца, ещё предстоит выяснить. Важно другое – вовлечённость в общий культурный контекст даже сильно отдалённых друг от друга территорий (рис. 1) свидетельствует в пользу наличия неких общих или достаточно одинаковых ритуалов, которые маркируют «сакральное пространство» культурного комплекса Басарабь.

Библиография

- Амброз, А.К. 1965, *Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крюками»)*. СА 3, Москва, 14-27.
- Андрienко, В.П. 1975, *Земледельческие культы племен лесостепной Скифии VII-V вв. до н.э.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук, Харьков.
- Андрienко, В.П. 1992, *Комплекс начала скифского времени на поселении Пожарная Балка (раскоп 11)*. В сб.: В.А. Посредников (ред.), *Донецкий археологический сборник*, вып. 1, Донецк, 73-88.
- Андрienко, В.П. 1995, *Об изображениях «мальтийского креста» в Лесостепной Скифии (хронология и семантика)*. В сб.: В.Ф. Бурносков (отв. ред.), *Тезисы докладов вузовской научной конференции профессорско-преподавательского состава по итогам научно-исследовательской и методической работы: исторические науки (Донецк, апрель 1995 г.)*, Донецк, 11-12.
- Андрienко, В.П. 2000, *О нижней хронологической дате поселения Пожарная Балка*. В сб.: *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*, Донецк, 100-101.
- Артамонов, М.И. 1948, *О землевладении и землевладельческом празднике у скифов*. В сб.: *Ученые зап. ЛГУ, серия истор. наук*, вып. 15, Ленинград.
- Байбурич, А.К. 1981, *Семиотический статус вещей и мифология*. В сб.: *Материальная культура и мифология. Сборник МАЭ*, т. 37, Ленинград.
- Бруяко, И.В. 2005, *Ранние кочевники в Европе (X - V вв. до н.э.)*, Кишинёв.
- Галанина, Л.К. 1977, *Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбург)*. САИ, вып. Д1-33, Москва.
- Горбов, В.Н. 2002, *О сакральной функции архаических черпаков Лесостепной Скифии*. В сб.: *Структурно-семиотические исследования в археологии*, т. 1, Донецк, 243-255.
- Дараган, М.Н. 2006, *Жаботинский этап раннего железного века Днепровской Правобережной лесостепи (по материалам Жаботинского поселения)*. Диссертация на соискание учёной степени канд. ист. наук. НА ІА НАНУ, рукопись, Киев.

Дараган, М., Кашуба, М. 2008, *Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения*. *Revista Arheologică* s.n. 2, vol. IV, 40-73.

Дараган, М.Н., Подобед, В.А. 2009, *О датировке слоя разрушения (горизонт Жаботин II) на Жаботинском поселении начала раннего железного века*. В сб.: *Материалы конференції «Проблемы скифо-сарматської археології Північного Причорномор'я», Запоріжжя, в печати.*

Зверев, Е. 2003, *Хронология культуры Басарабь по данным орнаментации на керамической посуде [Chronology of the Basarabi Culture Based on the Ornamentation of the Ceramic Vessels]*. *Stratum plus* 3, Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест, 224-254.

Ильинская, В.А. 1975, *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII-VI вв. до н.э.)*, Киев.

Кашуба, М.Т. 2000, *Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна)*. - *Stratum plus* 3, Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест, 241-488.

Кашуба, М. 2008, *О восточных (северопричерноморских) памятниках и импортах культурного комплекса Басарабь, VIII - начало VII вв. до н.э.* В сб.: *Проблемы історії та археології України: Матеріали VI Міжнародної наукової конференції, присвяченої 150-річчю з дня народження академіка В.П. Бузескула (Харьків, 9-11 октября 2008 р.)*, Харьків, 29.

Ковпаненко, Г.Т. 1967, *Раскопки Трахтемировского городища*. В сб.: П.П. Толочко (отв. ред.), *Археологические исследования на Украине в 1965-1966 гг. Информационные сообщения*, вып. 1, Киев, 103-106.

Ковпаненко, Г.Т., Шевченко, Н.П. 1981, *Отчет о работе Скифской Лесостепной Правобережной экспедиции ИА АН УССР. НА ИА НАНУ, ф. 1981/23*, Киев.

Ларина, О.В., Кашуба, М.Т. 2005, *Позднейшие позднечернолесские материалы поселения Тэтэрэука Ноуэ XV в Среднем Поднестровье*. *Revista Arheologică* s.n. 1, vol. I, 212-239.

Магура, С. 1930, *Дві мідяні посудини з Черкащини*. В сб.: В. Козловська (ред.), *Хроніка археології та мистецтва*, ч. I, Київ, 53–55, табл. IV, фото 1-3.

Махортых, С.В. 2005, *Киммерийцы Северного Причерноморья*, Киев.

Моруженко, А.А. 1989, *История населения лесостепного междуречья Днепра и Дона в скифское время*. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. НА ИА НАНУ, ф. 12/689, Киев.

Раевский, Д.С. 1977, *Очерки идеологии скифо-сакских племен: опыт реконструкции скифской мифологии*, Москва.

Рябкова, Т.В. 2008, *Бронзовый сосуд из кургана 524 у с. Жаботин*. В сб.: *Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы темат. научной конференции, Санкт-Петербург, 16-19 декабря 2008 г.*, Санкт-Петербург, 88-91.

Смирнова, Г.И. 1983, *Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников)*. АСГЭ 23, Ленинград, 60-71.

Смирнова, Г.И. 1996, *Предварительные данные о Немировском городище (По первым результатам обработки полевой документации и коллекции находок)*. В сб.: О.Б. Супруненко (відп.ред.), *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*, Полтава, 183-198.

Тереножкин, А.И. 1961, *Предскифский период на Днепровском Правобережье*, Киев.

Топоров, В.Н. 1992a: *Крест*. В сб.: С.А. Токарев (гл.ред.), *Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах*, т. 2, Москва, 12-14.

Топоров, В.Н. 1992b: *Опьяняющие напитки*. В сб.: С.А. Токарев (гл.ред.), *Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах*, т. 2, Москва, 256-258.

Шовкопляс, І.Г. 1954, *Поселення ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі*. *Археологія IX*, Київ, 98-105.

Шрамко, Б.А. 1996, *Раскопки В.А. Городцова на Бельском городище в 1906 г. (по материалам коллекции ГИМ)*. В сб.: О.Б. Супруненко (відп.ред.), *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*, Полтава, 29-54.

Шрамко, І.Б. 2006, *Ранній період в історії геродотівського Гелону (за матеріалами розкопок зольника № 5)*. В сб.: Є. Черненко (від.ред.), *Більське городище та його округ (до 100-річчя початку польових досліджень)*, Київ, 33-56.

Щербань, А.Л., Рахно, К.Ю. 2006, *Глиняні черпаки початку доби раннього заліза з пам'яток поблизу Диканьки*. В сб.: Археологічний літопис Лівобережної України 2, Полтава, 29-39.

Brosseder, U. 2004, *Studien zur Ornamentik hallstattzeitlicher Keramik zwischen Rhônetal und Karpatenbecken*. UPA 106, Bonn.

Daragan, M.N. 2004, *Periodisierung und Chronologie der Siedlung Źabotin*. Eurasia Antiqua 10, Berlin, 55-146.

Dobiat, C. 1980, *Das hallstattzeitliche Gräberfeld von Kleinklein und seine Keramik*. Schild von Steier, Beih. 1, Graz.

Dobiat, C. 1982, *Menschendarstellungen auf ostalpiner Hallstattkeramik – eine Bestandsaufnahme*. Acta Arch. Hungaricae 34, Budapest, 279-322.

Dular, J. 1973, *Bela krajina v starohalštatskem obdonju [Die Bela krajina in der frühen Hallstattzeit]*. Arheol. Vestnik 24, Ljubljana, 544-591.

Eibner, A. 1993, *Zur Lesbarkeit der Bildsymbolik im Osthallstattkreis*. Thraco-Dacica, t. XIV, nr. 1-2, București, 101-116.

Eibner, A. 1996, *Die Bedeutung der Basarabi-Kultur in der Entwicklung des Osthallstattkreises*. In: M. Garašanin, P. Roman (Hrsg.), *Der Basarabi-Komplex in Mittel- und Südosteuropa*. Kolloquium in Drobeta-Turnu Severin (7.-9. November 1996), Bukarest, 105-118.

Eibner, A. 1997, *Die „Grosse Göttin“ und andere Vorstellungsinhalte der östlichen Hallstattkultur*. In: J.-W. Neugebauer (Hrsg.), *Hallstattkultur im Osten Österreichs*. Wissenschaftliche Schriften Niederösterreich 106-109, St. Pölten, 129-145.

Eibner, A. 2001, *Der Donau-Drave-Save-Raum im Spiegel gegenseitiger Einflussnahme und Kommunikation in der frühen Eisenzeit. Zentralorte entlang der „Argonautenstraße“*. In: A. Lippert (Hrsg.), *Die Drau-, Mur- und Raab-Region im 1. vorchristlichen Jahrtausend*. Akten des Internationalen und Interdisziplinären Symposiums vom 26. bis 29. April 2000 in Bad Radkersburg. UPA 78, Bonn, 181-190.

Eibner, A. 2002, *Woher stammt die Figuralverzierung im Osthallstattkreis?* In: Sborník národního muzea v Praze. Řada A – Historie LVI, 1-4, Praha, 125-142.

Eibner-Persy, A. 1980, *Hallstattzeitliche Grabhügel von Sopron (Ödenburg)*. Wiss. Arb. Burgenland 62, Eisenstadt.

Frey, O.-H. 1976, *Bemerkungen zu figürlichen Darstellungen des Osthallstattkreises*. In: Festschrift R. Pittioni I. Arch. Austriaca, Beih. 13, Wien, 578-587.

Frey, O.-H. 1980, *Werke der Situlenkunst*. In: Die Hallstattkultur. Frühform europäischer Einheit. Internationale Ausstellung des Landes Oberösterreich 25. April bis 26. Oktober 1980 Schloß Lamberg, Steyr, Linz, 138-149.

Gömöri, J. 2002, *Grab der Osthallstattkultur mit Wagengefäß aus Fertőendréd (Kom. Sopron, Ungarn)*. In: URL www.ag-eisenzeit.de/2002 (Sopron), [sopron_abstracts.pdf](http://www.ag-eisenzeit.de/2002/sopron_abstracts.pdf), 12-13.

Gumă, M. 1983, *Contribuții la cunoașterea culturii Basarabi în Banat*. Banatica VII, Reșița, 65-138.

Gumă, M. 1993, *Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României*. Bibl. Thracologica 4, București.

Hänsel, B. 2000, *Die Götter Griechenlands und die südost- bis mitteleuropäische Spätbronzezeit*. In: B. Gediga/D. Piotrowska, *Kultura symboliczna kręgu pól popielnicowych epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie środkowej [Die symbolische Kultur des Urnenfelderkreises in der Bronze- und frühen Eisenzeit Mitteleuropas]*, Warszawa-Wrocław-Biskupin, 331-344.

Hänsel, B. 2003, *Wie sich die Sonne zum Sonnengott wandelte. Die Bedeutung des Lichts für Kulturen der Bronzezeit fundiert*. Wissenschaftsmagazin der FU Berlin 1, Berlin, 28-35.

Kașuba, M. 2008, *Materiale ale culturii Źoldănești în bazinul Nistrului de Mijlociu – observații preliminare*. Tyragetia, SN, vol. II(XVII), nr. 1, Chișinău, 37-50.

Koch, L.C. 2003, *Zu den Deutungsmöglichkeiten der Situlenkunst*. In: U. Veit u.a. (Hrsg.), *Spuren und Botschaften: Interpretationen materieller Kultur*. Tübinger Arch. Taschenb. 4, Münster-New York-München-Berlin, 347-367.

Kossack, G. 1999, *Religiöses Denken in dinglicher und bildlicher Überlieferung Alteuropas aus der Spätbronze- und frühen Eisenzeit (9.-6. Jahrhundert v.Chr.)*. Abhandlungen Bayer. Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse NF 116, München.

Levițchi, O. 2006, *Necropola tumulară hallstattiană târzie Trinca – „Drumul Feteștilor”*. Bibliotheca Archaeologica Moldaviae III, Iași.

Metzner-Nebelsick, C. 1992, *Gefäße mit basaraboider Ornamentik aus Frög*. In: A. Lippert, K. Spindler (Hrsg.), *Festschrift zum 50jährigen Bestehen des Institutes für Ur- und Frühgeschichte der Leopold-Franzens-Universität Innsbruck*. UPA 8, Bonn, 349-383.

Metzner-Nebelsick, C., Nebelsick, L. 1999, *Frau und Pferd – ein Topos am Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit Europas*. *Mitteil. Anthropol. Gesellschaft Wien* 129, Wien, 69-106.

Nebelsick, L. 1992, *Figürliche Kunst der Hallstattzeit am Nordostalpenrand im Spannungsfeld zwischen alteuropäischer Tradition und italischen Lebensstil*. In: A. Lippert, K. Spindler (Hrsg.), *Festschrift zum 50jährigen Bestehen des Institutes für Ur- und Frühgeschichte der Leopold-Franzens-Universität Innsbruck*. UPA 8, Bonn, 401-432.

Nebelsick, L. 1994, *Der Übergang von der Urnenfelder- zur Hallstattzeit am nördlichen Ostalpenrand und in Transdanubien*. In: P. Schauer (Hrsg.), *Archäologische Untersuchungen zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit zwischen Nordsee und Kaukasus. Ergebnisse eines Kolloquiums in Regensburg* 28.-30. Oktober 1992, Bonn, 307-367.

Nebelsick, L. 1996, *Herd im Grab? Zur Deutung der kalenderberg-verzierten Ware am Nordostalpenrand*. In: E. Jerem/A. Lippert (Hrsg.), *Die Osthallstattkultur. Akten des Internationalen Symposiums Sopron*, 10.-14. Mai 1994. *Archaeolingua* 7, Budapest, 327-364.

Nebelsick, L. 1997a, *Die Kalenderberggruppe der Hallstattzeit am Nordostalpenrand*. In: J.-W. Neugebauer (Hrsg.), *Hallstattkultur im Osten Österreichs. Wissenschaftliche Schriften Niederösterreich* 106-109, St. Pölten, 9-128.

Nebelsick, L. 1997b, *Trunk und Transzendenz. Trinkgeschirr im Grab zwischen der frühen Urnenfelder- und späten Hallstattzeit im Karpatenbecken*. In: C. Becker u.a. (Hrsg.), *Χρόνος*. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. *Festschrift für Bernhard Hänsel, Espelkamp*, 373-387.

Niculită, I., Niciu, A. 2008, *Habitatul din prima epocă a fierului de la Saharna-Țiglău. Considerații preliminare [Early Iron Age settlement of Saharna-Țiglău. Preliminary research results]*. *Tyragetia*, SN, vol. II[XVII], nr. 1, Chișinău, 205-232.

Niculită, I., Zănoacă, A., Arnăuț, T. 2008, *Habitatul din mileniul I a.Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna)*. *Biblioteca „Tyragetia” XVIII*, Chișinău.

Roeder, M. 1997, *Die Bedeutung der im Basarabi-Stil verzierten Keramik. Heiligtümer in der Hallstattzeit?* In: C. Becker u.a. (Hrsg.), *Χρόνος*. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. *Festschrift für Bernhard Hänsel, Espelkamp*, 601-618.

Studeníková, E. 2004, *Symbolika niektorých figurálnych motívov doby halštatskej*. In: E. Krekovič, T. Podolinská (Hrsg.), *Kult a mágia v materiálnej kultúre*, Bratislava, 15-26.

Tasić, N. 1991, *Antropomorfne, zoomorfne i ornitomorfne figure na Basarabi keramici*. In: *Zbornik radova posvećenih akademiku Alojzu Bencu*. *Akad. Nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, Posebna izdanja* 95/27, Sarajevo, 239-245.

Teržan, B. 1990, *Starejša železna doba na Slovenskem Štajerskem [The Early Iron Age in Slovenian Styria]*. *Katalogi in monografije* 25, Ljubljana.

Teržan, B. 1996, *Weben und Zeitmessen im südostalpinen und westpannonischen Gebiet*. In: E. Jerem/A. Lippert (Hrsg.), *Die Osthallstattkultur. Akten des Internationalen Symposiums Sopron*, 10.-14. Mai 1994. *Archaeolingua* 7, Budapest, 507-536.

Teržan, B. 1997, *Heros der Hallstattzeit. Beobachtungen zum Status an Gräbern um das Caput Adriae*. In: C. Becker u.a. (Hrsg.), *Χρόνος*. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. *Festschrift für Bernhard Hänsel, Espelkamp*, 653-669.

Teržan, B. 2001, *Richterin und Kriegsgöttin in der Hallstattzeit. Versuch einer Interpretation*. *PZ* 76, H. 1, Berlin–New York, 74-86.

Teržan, B. 2005, *Metamorphose – eine Vegetationsgottheit in der Spätbronzezeit*. In: B. Horejs u.a. (Hrsg.), *Interpretationsraum Bronzezeit. Bernhard Hänsel von seinen Schülern gewidmet*. UPA 121, Bonn, 241-261.

Vulpe, A. 1986, *Zur Entstehung der geto-dakischen Zivilisations. Die Basarabikultur*. *Dacia*, N.S. XXX, nr. 1-2, 49-90.

„Wunderzeichen“ der klassischen Hallstattzeit in Südosteuropa und Nordpontikum:

1. Malteserkreuz

Zusammenfassung

In dem vorliegenden Artikel werden der Überblick der Deutungsvorschläge für bestimmte Bildszenen der Osthallstattkulturwelt gemeinsam mit der bestimmten Darstellungen und Zeichen des Basarabi-Kultur-Komplex in Südosteuropa vorgestellt. Ferner sind die „Wunderzeichen“ akzeptiert, unter denen die Malteserkreuz eine große Verbreitung von südostalpinen Zone bis zum Nordpontikum (Waldsteppenzone des Mitteldneprgebiets) hat. Durch eine Bearbeitung des Katalogs der nordpontischen Malteserkreuzendarstellungen ist eine Klassifikation vorgelegt: Typ 1 – ein Kreuz aus vier Figuren, Typ 2 – ein Kreuz aus fünf Figuren. Die Kontexten der Fundsgut erlauben, eine deutliche Datierung für Malteserkreuzendarstellungen im Nordpontikum zu präzisieren, d.h. ab Mitte des 8. Jh.s v.Chr. Die Lage Malteserkreuzendarstellungen auf dem Henkel der flachen Tasse und die bestimmte Typ solcher Gefäße zeigen eine Besonderheit, die nur für das Mitteldneprgebiet charakteristisch ist. Die Deutungsvorschlag für solche Tassen mit hohem Henkel, die Kultobjekten und die Kontexten des Fundsgutes ermöglichen ein faszinierte „Kultfest“ („Stammesfest“) mit Mahl und Trunk vorzustellen. Die große Verbreitung der ähnlichen Ritualen von südostalpinen Zone bis zum Nordpontikum markieren die „sakrale Raum“ des Basarabi-Kultur-Komplex.

Abbildungsnachweis

Abb. 1. Verbreitung des Basarabi-Kultur-Komplex (a), die östlichen Importen der Basarabi und Basarabi-Şoldăneşti-Kultur (b), Malteserkreuzen auf Keramik (c) in Südosteuropa und Nordpontikum. Fundorten im Nordpontikum: 1 - Nagorjane-Pidmet; 2 - Nemirov; 3 - Trachtemirov; 4 - Kalinovka; 5 - Makeevka, Tum. 455; 6 - Tenetinka, Tum. 219; 7 - Žabotin; 8 - Požarnaja Balka; 9 - Mačuchi; 10 - Dikan'ka; 11 - Lichačejvka; 12 - Bel'sk (nach Vulpe 1986, Metzner-Nebelsick 1992, Eibner 2001, Brossecker 2004, Kaşuba 2008).

Abb. 2. Darstellungen der Malteserkreuzen auf Keramik im Nordpontikum: 1 - Nagorjane-Pidmet; 2 - Nemirov; 3,4,6-8 - Žabotin; 5 - Trachtemirov (nach Шовкопляс 1954, Ковпаненко 1967, Daragan 2004, Смирнова 1996).

Abb. 3. Darstellungen der Malteserkreuzen auf Keramik im Nordpontikum: 1 - Mitteldneprgebiet (Platonows Sammlung); 2 - Kalinovka; 3 - Tenetinka, Tum. 219; 4, 6 - Žabotin, S. 2; 5 - Makeevka, Tum. 455 (nach Ковпаненко, Шевченко 1981, Ильинская 1975, Галанина 1977, Дараган 2006).

Abb. 4. Darstellungen der Malteserkreuzen auf Keramik im Nordpontikum: 1, 2, 8, 10 - Bel'sk, Westliche Festigung (Ausgrabungen in 1906), Aschenhüg. 4; 7 - Bel'sk, Westliche Festigung (Ausgrabungen in 1906), Aschenhüg. 1; 3-6, 9, 11, 12 - Bel'sk, Westliche Festigung (Ausgrabungen in 1998-2004), Aschenhüg. 5 (nach Шрамко 1996, Шрамко I. 2006).

Abb. 5. Darstellungen der Malteserkreuzen auf Keramik im Nordpontikum: 1 - Dikan'ka-Fejdrovka; 2, 4, 5, 8, 9 - Dikan'ka-Dmitrenkova Balka; 3, 6, 11 - Požarnaja Balka; 7, 10 - Dikan'ka-BAM; 12, 13 - Lichačejvka (nach Андриенко 1992, Щербань, Рахно 2006, Моруженко 1989).

Abb. 6. «Kultfeste» der klassischen Hallstattzeit in Südost- und Mitteleuropa – die Darstellungen und Fundsgut (Auswahl): 1-3 - Unterzögerdorf; 4 - Basarabi, Tum. III/S1; 5 - Nové Košariská, Tum. I; 6 - Fischau-Feichtenboden, Tum. V; 7 - Fertőendréd; 8 - Kuffern, Situla (nach Frey 1980, Dobiat 1982, Eibner 1997, Teržan 2001, Cőmőri 2002).

Др. Майя Кашуба, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре, 1, МД-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Др. Марина Дараган, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда, 11, 04210 Киев, Украина